

«Бум-бум-бум!»

Тяжелые, размашистые удары сотрясли двухэтажный домик с такой силой, будто незванный гость вознамерился вынести дверь вместе с косяком.

Дацзянь, шаркая тапками, поплелся к выходу. С трудом разлепив заспанные веки, он раздраженно зачесал пятерней растрепанные волосы назад.

— Открывай! — зычный крик Линь Буюй за дверью подействовал лучше чашки крепкого эспрессо. Сон как рукой сняло: Дацзянь мгновенно прищурился, а в голове окончательно прояснилось.

— Ба, кого я вижу! Доброго утречка, Королева! — ухмыльнулся он, распахивая дверь.

— Какое, к черту, утречко? Двенадцать дня уже, полдень! Спать они изволят, — Линь Буюй протиснулась мимо него в прихожую, удерживая два объемистых контейнера с едой. По пути она продолжала ворчать: — Вас только в унитаз головой окунать, чтобы взбодрились. Я сорок пять секунд колотушек устроила, всю руку себе отбила.

Если бы не занятые руки, Дацзянь наверняка прямо сейчас отправился бы умываться к фаянсовому другу.

— Ну что вы, королева, при такой силе удара покраснение — это еще пустяки. Будь на вашем месте обычная девчонка, она бы от отдачи дух испустила, — Дацзянь спохватился на полуслове, поймав убийственный взгляд Буюй, и тут же сменил тактику. Скорчив жалостливую мину, он подскочил к ней, бережно взял ее ладонь в свои и принялся усердно на нее дуть: — Ой-ой-ой! Покраснели ведь! Братец сейчас подует, и все пройдет. У собачки боли, у кошки боли...

— Отвяжись, — Линь Буюй резко выдернула руку и отвесила Дацзяню увесистый подзатыльник, вложив в удар всю свою силу. — Ты даже зубы не почистил, а уже дышишь тут на меня. Еще заразишь чем-нибудь.

— Ох! Какой удар! Превосходная техника! — Дацзянь, потирая спину, скривился от боли, но не унимался. — Не иначе как легендарная ладонь печали и восторга! Сколько тоски, сколько чувств вложено в этот жест! Королева, прошу, добавьте еще разок! — С этими словами он шутиливо встал в стойку всадника и выставил ладони вперед.

— Получишь ты у меня сейчас, — фыркнула Линь Буюй, проходя мимо него к лестнице на второй этаж. — Размечтался о правилах честного боя. Из всех принципов у меня остался только один: оставить тебя в живых.

Дацзянь, кривясь и почесывая ушибленную спину, засеменил следом.

Линь Буюй остановилась перед комнатой Фу Цзяньси. Не собираясь пачкать руки, она выразительно посмотрела на Дацзяня. Тот все понял без слов и, протянув руку через ее плечо, пару раз требовательно стукнул в дверь кулаком.

— Я голый, — отозвался изнутри сонный, хрипловатый голос Фу Цзяньси.

Бах!

Линь Буюй с ходу выбила незапертую дверь ногой. Дверная створка с грохотом ударилась о платяной шкаф и несколько раз качнулась, прежде чем замереть.

Фу Цзяньси лежал на животе, зарывшись под светло-желтое одеяло так, что наружу торчала лишь макушка с растрепанными темными волосами.

— Я так и знал, что эта фраза вас только раззадорит, — пробурчал он в подушку сонной скороговоркой. — Работает безотказно.

— Бабушка все узнала. Подумай, что будешь говорить, — Линь Буюй, скрестив руки на груди, осталась стоять в дверях. Дацзянь же в два шага преодолел комнату и плашмя рухнул на кровать прямо поверх Цзяньси.

— Черт, раздавишь! Ногу сломаешь, отвали! — Фу Цзяньси с трудом высвободил ногу из-под одеяла и пару раз пихнул друга.

— Откуда бабушка-то узнала? Мы ведь только вдвоем в курсе были, — Дацзянь повернул голову, глядя на стоящую в проеме Линь Буюй.

— Я с вами по громкой связи говорила, а она за дверью стояла, — Линь Буюй захлопала ресницами, мгновенно превратившись в невинную овечку.

— Ох, полегче, полегче... Электрошок по всему телу, какая благодать, — Дацзянь шутливо потер грудь, а затем, подперев голову рукой, подмигнул девушке: — Королева, повторите на бис.

— Я сам с ней поговорю. Еда есть? Ужасно проголодался, — Фу Цзяньси поворочался под одеялом, резко приподнялся на локтях и одним плавным движением спрыгнул с кровати на пол.

— Обязательно устраивать это шоу при каждом пробуждении? — Дацзянь сел, недовольно покачал головой и запустил в него подушкой.

Фу Цзяньси на лету поймал подушку точным ударом кулака и швырнул обратно на кровать.

— Помогает взбодриться. Ничуть не хуже твоего будильника со стонами из порнухи, — он подошел к окну и резко раздвинул шторы. Комнату залил яркий солнечный свет. Цзяньси зажмурился, глядя в чистое небо. Погода была отменной.

— В этой берлоге... годами ничего не меняется. Тебе не надоело жить в одном и том же интерьере? — Линь Буюй заглянула внутрь, оглядывая спальню.

Обстановка и правда оставалась неизменной: полутораспальная кровать, застеленная светло-серым бельем, огромный, во всю стену книжный стеллаж, бежевое кресло-мешок у окна и незаметные раздвижные дверцы встроенного шкафа. На полке стеллажа сиротливо ютились кружка и мобильный телефон. Единственным ярким пятном была висевшая на стене картина, написанная самим Фу Цзяньси: маленький мальчик лет шести-семи, запечатленный со спины, а вместо волос на его голове буйно цвели и переплетались диковинные цветы и листья.

Фу Цзяньси подошел к краю кровати и пихнул свисавшую ногу Дацзяня.

— Пошли есть.

Он уже уловил витавший в доме аппетитный аромат мяса.

Быстро умывшись, парни заняли свои места за обеденным столом. Внимание Цзяньси привлекли два вместительных контейнера — подарок бабушки Линь, которая специально купила их, чтобы подкармливать внука и его вечно голодных друзей.

Дацзянь с нетерпением сорвал крышку.

— О-о, тушеная свинина! Слышишь этот звук? У меня слюнки потекли так, что сейчас всю комнату зальет!

— Фу, мерзость какая! — поморщилась Линь Буюй и, не желая созерцать это зрелище, поспешила уйти.

— И что ты скажешь бабушке? — Дацзянь отправил в рот сочный кусок мяса и принял из рук Цзяньси пиалу с рисом и палочки.

— Предоставь это мне, — Фу Цзяньси насыпал себе горку риса, съел пару кусков свинины и только после этого заговорил.

Дальше они ели молча, орудуя палочками с завидным усердием. Вскоре от сытного обеда не осталось ни крошки.

Закончив с едой, они вскользь обсудили контракт со «Звёздными медиа».

В воскресенье вечером Дацзяню нужно было возвращаться домой, так что около двух часов дня он, лениво поворчав для приличия, отбыл. Фу Цзяньси поднялся к себе, переоделся и, рассудив, что бабушка Линь уже должна была проснуться после полуденного сна, прихватил ключи и отправился к ней.

— Бабушка, вы не спите? — спросил Фу Цзяньси, заходя в незапертый дом. Ни Буюй, ни хозяйки в комнатах не было видно.

— Здесь я! Цзяньси, деточка, иди сюда, — отозвалась старушка из кухни. Через минуту она появилась в дверях, неся в руках глубокую миску, доверху наполненную зеленым луком-джусаем.

— Бабушка, зачем так много джусая? — Цзяньси тут же перехватил у нее тяжелую миску, и они вместе вышли во внутренний дворик.

Устроившись за каменным столом, они принялись неторопливо перебирать зелень.

— Вечером родители Буюй приезжают, — обрывая увядшие листочки, заговорила пожилая женщина. — Она поехала их встречать на вокзал. Ты ведь тоже придешь поужинать?

— Бабушка, я бы с радостью, но на вечер уже договорился о встрече, — честно признался Цзяньси. Ему действительно нужно было увидеться с Дин Лэнином и Фан Юем.

Старушка вздохнула, отложила лук и мягко коснулась ладонью его лба.

— Упрямый ты малый, весь в отца. — Она покачала головой и вернулась к работе.

Фу Цзяньси приобнял ее за плечи, стараясь придать голосу как можно больше тепла и уверенности:

— Бабушка, не переживайте вы так. Деньги у меня есть. А если совсем прижмет — переберусь к вам насовсем, буду вашим названным внуком.

Цзяньси заглянул ей в лицо и обезоруживающе улыбнулся.

— А сейчас ты мне разве чужой? — старушка наконец улыбнулась, отчего ее лицо покрылось сеточкой ласковых морщинок. Она потрепала его по щеке. — Дед, когда уходил, наказал мне

приглядывать за тобой. Так что ты мой внук, и точка. И если что случится — сразу говори мне, понял? А не то останешься без лапши с мясным соусом. Буюй уверяет, что это самое действенное наказание: лапшу дать, а соус зажать. Ну что, правда подействует? — она с любопытством уставилась на парня, ожидая ответа.

— Ха-ха-ха! Бабушка, это удар ниже пояса! Самое страшное наказание, честное слово, — рассмеялся Цзяньси, у него даже слезы выступили на глазах. То ли от смеха, то ли от щемящего чувства благодарности. Надо же, какая замечательная старушка, и какая коварная у него подруга.

— У меня тут припрятано немного денег, — сказала бабушка Линь, откладывая очередную охапку очищенного лука. — Сколько тебе не хватает? Я могу у отца Буюй поспрашивать, перехватить на время. — Говорила она медленно, но в голосе звенела твердая решимость.

— Бабушка, правда, не нужно. Пусть этот долг висит на нем, сами разберемся, не вмешивайтесь, — Цзяньси встретил ее теплый, заботливый взгляд, и на душе у него на миг стало скверно.

Лгал ли он ей? Да, лгал. Но как иначе уберечь ее покой?

— Сами разберетесь? — вздохнула старушка. — Но ты ведь заложил дом банку... У меня от этих мыслей сердце второй день не на месте.

Она отвернулась, утирая пальцем уголок глаза. Цзяньси заметил этот мимолетный жест и почувствовал, как внутри все сжалось от жалости и тревоги.

Если бы пожилая женщина знала истинные масштабы долгов Фу Тяньюя, у нее бы сердце точно остановилось. Цзяньси прекрасно ее понимал. Для людей ее поколения дом был не просто недвижимостью, а незыблемой твердыней, гарантией безопасности. Сама мысль о залогах, судах и банках казалась им предвестником катастрофы.

Он просидел у бабушки Линь больше часа, помогая чистить джусай и подготавливать креветки к ужину. Лишь около пяти часов вечера, когда старая дама окончательно успокоилась, Цзяньси распрощался и ушел домой.

До встречи оставалось полчаса. Вернувшись, Цзяньси сразу же скинул пропахшую луком и рыбой одежду, принял душ и несколько раз тщательно вымыл руки с мылом, оттирая въевшуюся зелень под ногтями.

Местом встречи назначили небольшой гонконгский ресторанчик в Циньхэ №48. Это заведение все они знали как свои пять пальцев. Дорога туда занимала от силы минут пять, а поскольку

позже Цзяньси все равно нужно было ехать в «Лазурное море и облачное небо», он решил прогуляться пешком, а после ужина вернуться за своим скутером Сяо-Баем.

Весь путь пролегал вдоль набережной реки Циньхэ. Остановившись на перекрестке в ожидании зеленого сигнала светофора, он посмотрел через дорогу. Сквозь панорамные окна ресторана отчетливо виднелись фигуры Дин Лэнина и Фан Юя. Лэнин, заметив его, улыбнулся и приветливо помахал рукой.

Оба были одеты в простые повседневные вещи. Похоже, сегодня у них выдался выходной день.

Фан Юй сквозь стекло наблюдал за тем, как Цзяньси неторопливо приближается. Вот он стоит на пешеходном переходе, вот переходит дорогу, вежливо уступая дорогу проезжающему мимо велосипедисту. Лишь когда парень переступил порог ресторана, Фан Юй отвел взгляд и уставился в свой стакан с водой.

— Да, хорош, ничего не скажешь, — усмехнулся Дин Лэнин, поддевая друга. — Впервые вижу, чтобы ты так потерял голову.

Фан Юй лишь неопределенно хмыкнул, оставив шпильку без ответа.

— Привет, Брат Нин. У тебя сегодня выходной? — спросил Фу Цзяньси, выдвигая стул.

— Ага, выходной. Этот тип выжимал из меня все соки в спортзале целый день, я едва живой доковылял сюда, — Лэнин выразительно покосился на Фан Юя.

Фу Цзяньси тоже скользнул взглядом по Фан Юю, скептически приподнял бровь и на долю секунды опустил глаза ниже его пояса, после чего сразу же отвернулся.

Дин Лэнин этого мимолетного жеста не заметил, зато Фан Юй перехватил его снайперски точным взглядом. Улыбка на его лице застыла.

Заметив, как между ними снова проскочила искра негласного соперничества, Лэнин поспешил разрядить обстановку:

— А ты сам как поддерживаешь форму? — Он вовремя вспомнил слова Мэй Цзюня о том, что парень живет на три дома — университет, работа, дом — и уже хотел было сменить тему, но Цзяньси ответил совершенно спокойно:

— Играю в баскетбол, иногда хожу на тхэквондо.

— О, отличный выбор. И полезно, и для самообороны пригодится. Какой у тебя пояс?

— Черный, шестой дан, — скромно обронил Цзяньси.

— Ого! Насколько я помню, девятый — это предел? Шестой дан — это очень серьезно! Почти как у Фан Юя, да? — Лэнин снова перевел стрелки на друга, настойчиво пихая ему в руки невидимый микрофон.

— И когда ты сдал экзамен? — Фан Юй посмотрел на Цзяньси, его взгляд стал заметно мягче.

— В десятом классе, — Цзяньси налил себе воды и протянул меню обоим спутникам.

Фан Юй смотрел на парня и невольно улыбался.

— М-да, уложил на лопатки, — Дин Лэнин восхищенно показал Цзяньси большой палец, после чего достал из сумки прозрачную пластиковую папку. — Ладно, пока выбираем еду, посмотри вот это. Если возникнут вопросы — сегодня все разберем. Твой Брат Нин проведет тебя без очереди, со свистом! Но с одним маленьким условием.

Фу Цзяньси, собиравшийся вытащить бумаги, замер и вопросительно взглянул на собеседника.

Фан Юй, уткнувшись в меню, лишь хмыкнул. Он прекрасно знал, что задумал его неумный друг.

— Понимаешь, в прошлый раз, когда мы ужинали здесь... с тобой была та девушка, — Лэнин замялся, он забегал взглядом между Фан Юем и Цзяньси. — Познакомишь нас, а?

— Линь Буюй? — спокойно уточнил Цзяньси.

— Ой, да нет! Ха-ха-ха! Ну ты даешь, — Лэнин покатился со смеху, едва не выронив меню. — Я вообще-то по девочкам. Я про ту красотку с пронзительным голосом.

При упоминании «пронзительного голоса» Цзяньси тоже не сдержал улыбки. Он выглядел при этом тепло и открыто, отчего на его щеке обозначилась очаровательная ямочка.

На мгновение оба его собеседника замерли. Лэнин быстро пришел в себя, а вот Фан Юй буквально впился глазами в лицо парня, словно намеревался разглядеть каждую черточку его лица.

Дин Лэнин тактично кашлянул:

— Короче, я помогу тебе с кредитом, а ты мне — с ней. Сразу скажу: парень я приличный, вредных привычек не имею, в университете была одна серьезная интрижка, но это в прошлом.

Фу Цзяньси листал документы и краем уха слушал ироничную исповедь Лэнина. Ему безумно захотелось включить диктофон, записать все это и отправить Линь Буй.

В папке лежали бланки для оформления ипотечного кредита под залог недвижимости, перечень необходимых документов, графики платежей и памятки для заемщика. Цзяньси детально расспрашивал Лэнина обо всех неясных моментах. Фан Юй в это время молча пил чай, изредка бросая на парня задумчивые взгляды.

— Давайте прервемся на еду, — предложил Лэнин. — Я сегодня так выложился на тренировке, что если сейчас не поем, у меня палочки из пальцев выпадут.

— Давайте, — согласился Цзяньси.

Стоило ему потянуться за едой, как Фан Юй молча пододвинул к нему тарелку с ароматными свиными ребрышками.

— Спасибо, — кивнул парень.

— А вот это попробуй, говяжьи ребрышки в черном перечном соусе, — Лэнин тоже подтолкнул к нему блюдо, стараясь сгладить неловкость.

Они беседовали больше часа, совмещая ужин с разбором финансовых тонкостей. Дин Лэнин терпеливо объяснял все подводные камни, а Цзяньси то и дело делал заметки в телефоне.

Банк выдавал кредит не под честное слово руководителя филиала Дин Лэнина, а под залог имущества, принадлежащего Фу Цзяньси, и платежеспособность его отца, Фу Тяньюя. Чтобы все прошло гладко, им требовалось не просто воспользоваться связями, но и составить безупречные документы, способные пройти любую проверку.

Цзяньси давно просчитал все риски.

Если бы Мэй Цзюнь был обычным жестоким коллектором, его жизнь за эти годы превратилась бы в ад с угрозами, битыми стеклами и визитами крепких парней. Но ничего этого не было.

Почему?

— Потому что Мэй Цзюнь согласился отправить Фу Тяньюя за границу в обмен на его обязательства.

— Потому что Фан Юй бескорыстно помог ему с поддельными справками о доходах.

— Потому что Дин Лэнин согласился пойти на риск и протолкнуть этот кредит.

Или все это — лишь его иллюзии?

В мире больших денег бескорыстие часто оказывается лишь удобным инструментом для достижения иных целей.

Так ли чисты были помыслы Фан Юя и Дин Лэнина?

Кто знает.

Игра зашла слишком далеко, обратного пути не было. Через два дня его отца отправят из страны. Еще не расплатившись с Мэй Цзюнем, он уже повесил на себя огромный долг перед банком.

Эта драма близилась к своей развязке.

Как только документы на залог будут подписаны, его дом фактически повиснет в воздухе. Вернется ли он когда-нибудь в его полную собственность или уйдет с молотка?

Прошлой ночью Цзяньси снился кошмар: дом оторвался от земли и медленно поплыл вверх, словно лишившись силы притяжения. Он изо всех сил цеплялся за него, сдирая ногти в кровь, но так и не смог удержать уплывающее в небо здание.

Они вышли на улицу.

— Мне в ту сторону, — Дин Лэнин дружески хлопнул Цзяньси по плечу, заговорщицки подмигнул Фан Юю и зашагал прочь.

Цзяньси не заметил этого безмолвного диалога, а вот Фан Юй почувствовал легкую неловкость. Повернувшись к парню, он негромко предложил:

— Я подвезу тебя.

— Не нужно, я дойду до дома, заберу скутер и поеду на работу, — отказался Цзяньси.

— Но... — начал было Фан Юй, но парень перебил его:

— Вы ведь весь день тренировались. Поезжайте домой, отдохните, Господин Фан.

Цзяньси развернулся к нему лицом и демонстративно окинул его фигуру насмешливым взглядом с головы до ног.

Фан Юй мгновенно вспомнил вчерашнюю колкость в «Лазурном море и облачном небе»: «Сходи к врачу, не затягивай!» Внутри него вскипела волна раздражения.

С чего этот мальчишка решил, что у него проблемы по этой части?

— Кончай пререкаться. Я провожу тебя до дома, — твердо и властно отрезал Фан Юй.

Цзяньси опешил. Откуда вдруг столько командного тона?

— Господин Фан, в вас что, вселился дух властного босса из дешевых романов? — парень прыснул со смеху и показал Фан Юю два больших пальца. Это был первый раз, когда он видел этого человека настолько... решительным и жестким. Продолжая тихонько посмеиваться, Цзяньси зашагал вдоль набережной.

Сгущались сумерки. На набережной постепенно прибавлялось прогуливающих пар. На обоих берегах реки зажглись яркие огни, отражаясь в темной воде зыбкими бликами.

— На следующей неделе уезжаю в командировку дня на четыре, — негромко произнес Фан Юй, пристраиваясь рядом. Он покосился на спутника, ловя его блуждающий по воде взгляд. — Так что наши встречи временно на паузе... Смотри не забудь меня.

— Да ладно вам, Господин Фан, я же просто пошутил, — отозвался Цзяньси, глядя прямо перед собой.

— Фу Цзяньси, — Фан Юй резко остановился и преградил ему дорогу. — Ты вообще знаешь, что такое душевный холод? — Он засунул одну руку в карман брюк, а пальцами другой принялся нетерпеливо барабанить по бедру. Он нахмурился и опасно прищурился.

Цзяньси остановился. Его взгляд на мгновение скользнул по водной глади и вернулся к лицу мужчины.

— Господин Фан, зато я прекрасно знаю, что такое импотенция, — невозмутимо парировал он.

Фан Юй оцепенел на секунду, а затем искренне, во весь голос рассмеялся. Смех разгладил суровые складки на его лице, заплясал чертиками в глазах.

— Эх, — выдохнул он, вытащив руку из кармана, и посмотрел на парня потемневшим, обжигающим взглядом.

Цзяньси с легким недоумением наблюдал за его внезапным весельем.

В глазах Фан Юя отражались огни противоположного берега, смешиваясь с какими-то глубинными, зреющими чувствами. Цзяньси не до конца понял, что означал этот взгляд.

И пока он пытался разгадать это выражение лица, Фан Юй сделал стремительный шаг вперед и крепко прижал его к себе.

— Постарайся меня не забыть, — раздался у самого его уха тихий, хриплый шепот, обжегший кожу горячим дыханием.

Фан Юй скользнул щекой по его ушной раковине, вызвав волну мурашек. Цзяньси инстинктивно сжал кулаки, и в то же мгновение его уха коснулись прохладные, мягкие губы.

Быстрый, легкий поцелуй в самый кончик уха.

Цзяньси словно током ударило. Буря сдерживаемых эмоций мгновенно сорвалась с цепи, сметая все барьеры.

Фан Юй почувствовал, как тело парня в его объятиях окаменело. На миг ему показалось, что тот мелко вздрогнул от этого прикосновения.

Но не успел он мысленно отпраздновать победу, как кулак Цзяньси с убийственной точностью и силой врезался ему прямо под дых, в область солнечного сплетения.

— Гх-х!.. — Фан Юй глухо вскрикнул, мгновенно согнувшись пополам. Он судорожно вцепился одной рукой в каменный парапет набережной, а другую прижал к отбитым ребрам.

Ему потребовалось не меньше полуминуты, чтобы просто начать дышать. Он шумно, со свистом хватал ртом воздух, пытаясь справиться с дикой, парализующей болью.

В первый момент Цзяньси хотел добавить локтем по спине, чтобы уложить этого наглеца на асфальт окончательно, или просто скинуть его в реку — пусть остудит свой пыл.

Но глядя на то, как Фан Юй скорчился и застыл, не в силах разогнуться, парень внезапно осознал очевидное: перед ним стоял обычный городской пижон, привыкший к мягким креслам и офисной бумаге, а вовсе не тренированный боец из его спортивной секции. Похоже, удар получился слишком сильным.

Неужели сломал ребро?

Или отбил селезенку?

<http://bllate.org/book/18325/1761758>